

ПРОШЛО уже немало времени как я вернулся из Польши. В Москве, как всегда после поездки, накопилось много дел, телефонных звонки, встречи с людьми, общественные дела и, конечно, работа. Но вот как раз работа и не идет. Просто с места не сдвигается. Сажусь за письменный стол, пытаюсь что-то написать. Бесполезно. Постепенно начинаю понимать — пока не расскажу о Михале Казюве, с которым познакомился в Польше, в Зелёна-Гуре, ни о чем другом писать не смогу. Я пытался написать о Михале еще там, в Польше, сразу после встречи с ним, и здесь, в Москве. Не получается. Так трудно найти слова, что могли бы выразить в полной мере то, что я испытал при встрече с ним. Рассказываю своим друзьям о Михале, никто не верит, все гозорят — такого быть не может!..

Гозорят — нет безвыходных положений. Наверное, так оно и есть. Сила человеческого духа так велика, что и в безвыходном, казалось бы, положении человек находит выход. Так было с Николаем Островским, Маресьевым и другими известными и безымянными героями. Я был свидетелем такого массового героизма в блокадном Ленинграде. В декабре 1941 года норма хлеба дошла до 125 граммов, не работал водопровод, не было света, фашисты по несколько раз в день бомбили город, обстреливали из дальноточных орудий... А бойцы держали оборону. Д. Шостакович сочинял свою легендарную симфонию, рабочие на Кировском заводе ремонтировали танки. А ребята из нашего класса собирались в холодной школе и, сгрудившись возле печки-буржуйки, слушали учителя. Однажды он не пришел — умер от голода.

А сколько истинных героев прошло перед нами в блокадном госпитале, где по ночам мы, школьники, были санитарями, где встречали новый, 1942 год (перед каждым на столе лежала горсточка сушеной морковки, больше никакой еды на этом праздничном новогоднем столе не было).

На случайно вспомнил я о ленинградской блокаде. С тех пор прошло много лет, и многое забылось. Но людей, которых я видел в осажденном городе, мужество их и стойкость — забыть невозможно. Мне казалось, что удивить меня такими качествами человеческого характера уже невозможно. И вот — встреча в Польше.

Мы приехали в Зелёна-Гуру для участия в Днях советской литературы. В это же время там проходил широко известный фестиваль советской песни. Невозможно было без волнения слушать, как польские юноши и девушки, изучающие русский язык, читали стихи Сергея Есенина и Михаила Светлова, как

пели «Журавли» Я. Френкеля и Р. Гамзатова и «Соловьи» В. Соловьева-Седого и А. Фатьянова.

Мы побывали в нескольких городах Зеленогурского воеводства, и везде чувствовалось, что к нам относятся, как к братьям, что на зеленогурской земле многое делается для развития и укрепления дружбы наших народов, и делается по-настоящему, с душой. Не случайно именно Зелёна-Гура стала «польской столицей советской песни».

В маленьком автобусе, который должен был доставить нас в город Жары, я оказался рядом с мужчиной примерно моего возраста, в темных очках, который хорошо говорил по-русски. Мы познакомились, разговорились. Сначала я обратил вни-

ма, что представляю ее — пани Галина Любич. Раньше она была актрисой, последние двадцать пять лет помогает Михалу, ухаживает за ним. Когда в городе Жары мы отстали немного от всей группы, я спросил Михала о пани Галине: «Она ваша жена?» «Нет, — ответил он, — не жена». «Коханна?» — «Нет». — «Кто же она?» Михал на какое-то мгновение задумался и сказал: «Она — человек». Я не случайно написал слово «человек» с маленькой буквы — Михал произнес его очень просто, даже буднично. Хотя, конечно же, пани Галина Любич — Человек!..

Мне хотелось узнать все о жизни Михала, но расспрашивать я как-то не решался, боялся, что воспоминания расстрожат его. То ли он почувствовал эту мою потребность — все уз-

стрелка. Я дал условный сигнал — три зеленые ракеты, одну красную. Вскоре к нам подошла подмога. Бандиты отошли, но оставили несколько мин. Мы об этом, конечно, не знали... Помню, как взял я в правую руку какой-то предмет, лежавший на земле. Раздался взрыв. Больше я уже ничего не видел. Помню только голос: «Скорей! Скорей в госпиталь! Может быть, удастся его спасти!» Но, видно, крови я много потерял — она текла двумя потоками, обе руки мне оторвало. Говорят, врач сказал: «Только чудом он может остаться в живых». Я этого уже не слышал — мне потом медсестра рассказала. А чудо произошло — остался я в живых...

Да, это было первое чудо Михала Казюва. Но не последнее. После госпиталя он вернулся в деревню, где живут его мать и сестра. Государство назначило пенсию. Он мог, как говорится, доживать свой век в деревне под Зелёна-Гурой. Это был, как считали многие, единственный вариант в его положении... Доживать свой век? Это в двадцать лет? Это с его характером? Нет, нет и нет! Он хочет учиться. Хочет работать. А как?... Но ведь учатся слепые люди. Читают специальные книги при помощи пальцев. При помощи пальцев... А если у тебя ампутированы обе руки выше локтей? Безвыходное положение. А еще говорят — нет безвыходных положений!..

И тут происходит второе чудо Михала Казюва. Но не последнее. Впервые в мире Михал научился читать книги для слепых губами. **нет!** Слепой человек без двух рук закончил школу и поступил на филологический факультет Познаньского университета. После окончания университета защитил кандидатскую диссертацию (в Польше она называется докторской). Работает с полной отдачей сил — каждую неделю в газете появляется его рецензия на очередной радиоспектакль. Вышла его книга «Эстетика радиопьес».

Вот вам и третье чудо Михала Казюва. И, возможно, не последнее.

Я всегда относился с огромным уважением и симпатией к свободному, красивому и мужественному народу дружественной нам Польши. Для меня теперь символом стойкости и мужества, олицетворением польского характера стал Михал Казюв.

Мне очень хочется, чтобы о Михале узнало как можно больше молодежи: те, кто работает на заводе, добывает уголь, учится в институтах, служит в армии, убирает целинный урожай. Они живут полнокровной жизнью, знают радость труда. Им бывает порой трудно. Они учатся преодолевать трудности. Читая о Михале, они лишней раз убеждаются, что безвыходных положений действительно нет, а главное — что правильно живут на свете —

с полной отдачей сил, живут не только для себя, но и для людей.

Но мне хочется, чтобы о Михале прочли и те, кто живет по принципу — «где бы ни работать, лишь бы не работать» (пусть их немного, но они есть!), кто «прожигает жизнь», а если учится или работает, то вполнакала, с прохладцей. У них есть глаза и руки. Но им должно быть стыдно взглянуть этими глазами на Михала, который не видит.

А для большинства людей он — символ стойкости и силы человеческого духа.

Уже из Москвы позвонил Михалу в Зелёна-Гуру, уточняя кое-что для этого очерка, я спросил: «Михал, ты член партии или беспартийный?» Он ответил: «Конечно, член партии». В интонации слова «конечно» звучало — «иначе и быть не могло».

Я потом пытался вспомнить, когда мы с ним перешли на «ты», но так и не вспомнил. То ли в первый, то ли во второй день нашего знакомства. И кто первый обратился на «ты» — не могу вспомнить.

Я обещал рассказать о пани Галине Любич. Да просто нельзя, говоря о Михале, не сказать о ней. Двадцать пять лет рядом. Двадцать пять лет она живет его жизнью, помогая во всем. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Она умывает его и одевает. Читает ему книги и газеты. Записывает с его слов рецензии на радиопьесы. Да разве все перечислишь?..

Больше всего меня удивило и покорило в их отношениях неисконное чувство юмора. Вот Михал, встав из-за стола, начинает читать стихи Адама Мицкевича и, запнувшись, не может вспомнить следующие строчки. Пани Галина, положив ему руки на плечи, усаживает на стул и говорит: «Пан Михал, ваш номер провалился. Следующий — мой!» Она садится за фортепиано и с блеском исполняет несколько номеров из оперетт. Я спрашивал — работала ли она в музыкальном театре? Да, работала. И в драматическом тоже. Михал рассказывал мне:

— Я много читал и читаю губами книги для слепых. Но не мало книг прочла мне вслух за эти двадцать пять лет и пани Галина. Она хитрая — сперва прочла какие-то не очень значительные книги, потом, как бы между прочим, «Как закалялась сталь» Николая Островского, потом опять какие-то, тут же забытые мной книги, и вдруг — «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевоего. Ох и хитрая эта пани Галина!..

Михал засмеялся, потом немало помолчал и, задумавшись, очень просто и тихо сказал:

— Но, конечно, эти две книги мне помогли... Да, это так.

А я смотрел на него и думал о том, что Михал должен написать книгу о своей жизни.

ЗЕЛЕНА-ГУРА — МОСКВА

На снимке: Михал КАЗЮВ.

Петр
ГРАДОВ

ЧЕЛОВЕК

мания на то, что у моего соседа нет правой руки. Когда он повернулся ко мне, я понял, что и левой руки у него нет. Мы рассказывали друг другу о своей работе. Оказалось, что Михал Казюв рецензирует радиопьесы, написал книгу «Эстетика радиопьес». Я уже было собрался спросить, почему только радиопьесы интересуют его. И тут, приглядевшись внимательно, понял, что черные очки Михал носит не от солнца. Он ничего не видит. Отсюда и радиопьесы.

Потом, вернувшись в Зелёна-Гуру, я пытался разобраться, понять, почему я, разговаривая с Михалом, не сразу догадался о том, что он ничего не видит. Мое невнимание?... Нет, дело тут не во мне. Михал так легко и непринужденно вел беседу, так заразительно смеялся, когда очень симпатичная женщина, сидевшая сзади нас, подавала какую-нибудь реплику, иронически комментируя его рассказ, что у меня поначалу и мысли не возникло о том, что рядом со мной сидит человек, лишенный не только рук, но и зрения.

О женщине, сидевшей сзади нас, я еще расскажу. Пока толь-

ко представляю ее — пани Галина Любич. Раньше она была актрисой, последние двадцать пять лет помогает Михалу, ухаживает за ним. Когда в городе Жары мы отстали немного от всей группы, я спросил Михала о пани Галине: «Она ваша жена?» «Нет, — ответил он, — не жена». «Коханна?» — «Нет». — «Кто же она?» Михал на какое-то мгновение задумался и сказал: «Она — человек». Я не случайно написал слово «человек» с маленькой буквы — Михал произнес его очень просто, даже буднично. Хотя, конечно же, пани Галина Любич — Человек!..

Мне хотелось узнать все о жизни Михала, но расспрашивать я как-то не решался, боялся, что воспоминания расстрожат его. То ли он почувствовал эту мою потребность — все уз-

стрелка. Я дал условный сигнал — три зеленые ракеты, одну красную. Вскоре к нам подошла подмога. Бандиты отошли, но оставили несколько мин. Мы об этом, конечно, не знали... Помню, как взял я в правую руку какой-то предмет, лежавший на земле. Раздался взрыв. Больше я уже ничего не видел. Помню только голос: «Скорей! Скорей в госпиталь! Может быть, удастся его спасти!» Но, видно, крови я много потерял — она текла двумя потоками, обе руки мне оторвало. Говорят, врач сказал: «Только чудом он может остаться в живых». Я этого уже не слышал — мне потом медсестра рассказала. А чудо произошло — остался я в живых...